

18+

А. В. Сербенчук
*Моменты из жизни Господина
Черныльникова*

А. В. Сербенчук
Моменты из жизни
Господина Чернильникова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35001207
ISBN 9785449304445

Аннотация

«Моменты из жизни Господина Чернильникова» – это сборник рассказов, объединённых одним героем, главным редактором и писателем, жившем в 19 веке, Господином Чернильниковым, который повествует читателю о порою смешных, местами мистических, но неизменно сентиментальных и трогательных историях, происходивших в его жизни, которые принесли ему определённый опыт, объяснили смысл многих вещей и открыли глаза на многие истины жизни.

Содержание

Посвящение	5
Родина Вдохновения	6
Паровозный пасьянс	10
Комета	22
Инквизитор	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Моменты из жизни Господина Чернильникова

А. В. Сербенчук

© А. В. Сербенчук, 2019

ISBN 978-5-4493-0444-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

*Посвящаю... Да к чему посвящать кому-то?
Посвящаю всем.*

В этом сборнике я хотел бы поделиться некоторыми важными для меня мгновениями. Нет-нет, я не старик, подводящий итоги жизни... Я вполне себе молодой человек, изъявивший желание поделиться своими историями, а также эмоциями и выводами о случившемся, дабы не забыть все их краски, пока воспоминания свежи. Однако кажется, что такие события я не смог бы забыть, даже будучи на том свете, но... Об их важности судить отнюдь не мне.

Родина Вдохновения

Не так давно я прибыл в маленький городок, назовем его Родина Вдохновения. Что же завело меня в такую глубинку? Я не могу ответить точно на этот вопрос. Наверное... То самое понятие – вдохновение, которое, к сожалению, штука непостоянная. Оно как приходит, так и уходит. Где же оно находится? Полагаю, что где-то возле души или вовсе внутри нее, ведь как только оно ушло, в душе настало странное чувство пустоты.

Вот уже несколько месяцев я не могу дописать свою книгу. И да, вероятнее всего, я приехал столь далеко от яркого, манящего Санкт-Петербурга в поисках вдохновения (как бы я ни старался отрицать это). Кто знает, может быть, именно в этой глубинке я смогу найти его?

Приехав в Родину Вдохновения, я поселился в небольшом двухэтажном домике, в одной из его квартир, хотелось бы сказать, что небольших и не слишком богато обставленных мебелью и другими вещами, создающими ощущение комфорта. Но мне хватало и этого. В комнате стоял небольшой столик. Не уверен, что он был письменным, скорее, журнальным. Я поставил на него печатную машинку и сел на стул напротив нее, начал было что-то писать, но сразу же приходилось выкидывать исписанный абсолютно ничем лист. Спустя полчаса я понял, что так у меня ничего не получится. Да...

И зачем только сюда приехал? Ничего не поменялось. Я решил немного прогуляться.

Выйдя на улицу, я увидел жителей этого городка. Все люди здесь куда-то спешат, что-то делают, постоянное движение. А еще говорят, что в Петербурге жизнь не идет, а бежит, могу теперь в этом усомниться. Люди здесь все работают и работают, и нет у них времени на отдых. А я еще жалуясь порою на мою жизнь, да она просто рай на земле! Хм... Неужели здесь не найдется спокойное место? Спустя пару минут я нашел-таки местечко для писательской души – лесок на окраине города. По лесу я гулял около нескольких часов, любуясь поздненоябрьскими чернотвольными деревьями. Я бы, наверное, гулял еще дольше, но руки замерзли. Перчатки? Где же я оставил перчатки? Кажется, я забыл их в поезде. Эх, плакала моя пара кожаных и мною любимых перчаток.

Вернувшись в свою комнатку со столом и машинкой, я сел в надежде что-либо написать. Вдохновение – подлая штука, оно так и не пришло. До самой ночи я просидел у машинки и пытался написать что-либо, но ничего так и не получилось. Я и не заметил, как заснул в собственных напечатанных мыслях.

Наутро я проснулся от того, что в мою комнату из небольшого окна сочился свет. Но... Он был каким-то не таким. Слишком светлый? Или, может, мне так показалось? Отозвав свое лицо от напечаток, чья краска прилипла к нему,

которую не так-то и легко оттереть, я подошел к окну. Батюшки! Что я вижу! Да это же снег!

Снежным покрывалом укутана вся Родина Вдохновения! Все дома покрыты пушистыми шапками, по всему городу расстилаются белоснежные ковры! Какая красота!

Ребятня выбежала на улицу и начала радоваться первому снегу. Каждое раскрасневшееся детское лицо искрилось радостью. Даже соседский спаниель, выбежав из дома, решил скорее увидеть это чудо, он никак не мог дождаться, когда хозяин поспеет за ним. Вышедший на улицу работяга, на лице которого будто бы растекся «синяк угрюмости», поднял голову и обратил лицо в небо, навстречу летящим ему таким разным летающим ангелам-снежинкам. Даже на расстоянии от моего окна мне не нужно было иметь бинокль, чтобы увидеть, что он улыбнулся. Улыбнулся так широко и искренне, что засиял, будто бы единственный фонарь на ночной улице Санкт-Петербурга. Можно ли поверить в это? Я сорвался с места, как нервнобольной, и побежал к моей печатной машинке. Чуть ли ни сев мимо стула, я начал писать. Я не знаю, сколько времени я писал, но книга была закончена.

Спустя несколько дней я вернулся в Санкт-Петербург и отдал свои «рукописи» в печать. Прочитав их, редактор дал добро на издание книги. Идя по улицам Петербурга, я думал: «Какой же я счастливый человек!» Как же это было глупо... Гнаться за вдохновением, ведь оно было совсем близко. Ведь оно было в совершенно простых вещах. Спасибо Роди-

не Вдохновения, что помогла мне понять это.

Паровозный пасьянс

В ту минуту, когда в груди жжет горячее ощущение, что жизнь остановилась...

Ранним утром, когда яркие солнечные лучи еще мирно спали, приоткрывая от глубокого сна свои добрые глаза, посылая лишь тусклые лучи на землю, на перроне под навесом сидел писатель.

Это я.

И просто наслаждался.

Я пришел на перрон за полчаса до того момента, как только пришел бы паровоз. Однако совершенно не случайно.

Любите ли вы утро?

Этот чудесный миг, когда вся жизнь вместе с каждой росинкой, падающей с лепестка, каждой птицей, аккуратно напевающей свою легкую песню, каждым сонно зевающим и потягивающимся зверьком, который вылезает из своего уютного домика, каждым глубоким вздохом человека, встречающего новый день, просыпается.

Я много задумываюсь над сном... Над тем коротким или продолжительным отрезком времени. Мы в большинстве своем не помним и не понимаем, что происходило тогда, во сне. Лежа в постели, мы вдруг уходили куда-то, не вставая... В неизведанные миры, которые порождает наше сознание...

Что если, на самом деле, в тот момент душа каждого из нас отправляется в далекое путешествие, которое то ли на печаль, то ли на радость мы забываем поутру, когда открываем глаза после ее возвращения? Возможно, именно поэтому сон – лучшее лекарство.

Путешествие – это огромное количество ярких и красочных эмоций, а эмоции – это питание.

Именно поэтому стоит правильно выбирать то, чем вы кормите свою душу.

Если же вам на душе нехорошо, внимательно проследите, возможно, вы кормите ее неприемлемым, а то чего и хуже, вовсе ядом.

Из размышлений меня вернул на скамью под навесом бой часов. Он был будто сигналом, потому что после него на перроне, вдали, стали появляться лишь маленькие точки, озаряемые легким Солнцем. Они подходили все ближе и ближе, и становилось понятно, что это вовсе не точки, а ранние люди, жаворонки, решившие совершить дальнейшее путешествие.

Признаюсь, именно ради этого я прихожу сюда в столь ранний час. Именно для того, чтобы насладиться моим драгоценным нежным утром и оживлением стен вокзала, который постепенно заполнялся людьми.

Это еще немного сонные, прикрывающие ладонью зевающий рот дамы и господы, тявкающие собачки и капризничающие дети, которых решительно тянут за руку гувернеры.

Паровоз прибывал на перрон. Дети радостно восклицали

и указывали пальцем на дымящее и шумящее чудо, едущее по железным рельсам.

На самом деле, на заре своего появления паровоз был чем-то неизвестным и пугающим для людей, никогда не видевших его прежде. Нечто огромное, шумное, железное и совершенно нечеловечное. Никто и не мог подумать, что спустя какое-то количество времени этот черный рычащий монстр станет самым удобным способом перемещения по необъятной стране и предметом восхищения детей.

Смотря на счастливые детские лица, я все время думаю: «Почему же не все люди, вырастая, остаются настолько же счастливым, коими они были в детстве?»

Наверное, самое главное в жизни – это сохранить душу ребенка, независимо от того, сколько вам лет. Мнение о том, что взрослый человек – это человек незнающий ни веселья, ни шалости, ни радости, это глупость. Взрослый человек – это человек, который принимает правильные решения и отвечает за свои поступки. Но, несмотря на это, взрослый человек может... Нет-нет... Должен! Сохранять добрую детскую душу, потому как жизнь – огромная и длинная дорога, которую нужно прожить душой. Железный и холодный расчет – это полезное умение, но не способ прожить жизнь. Почему? Да хотя бы лишь потому, что он не может осчастливить вас.

Возле вагонов собирались люди.

Найдя свой, я подошел к проводнику.

Поприветствовав меня, тот проверил мой билет и, удосто-

верившись, пожелав доброго пути, пропустил в вагон.

Дойдя до своего купе, я постучался, дабы не потревожить покой моих соседей по путешествию.

Но никто не ответил мне.

Я аккуратно открыл дверь. Внутри никого не было. Похоже, я пришел раньше всех.

Я как раз собирался разложить свою машинку, когда в дверь купе кто-то постучался, и я услышал женский голос, спрашивающий разрешения.

Конечно же, от меня прозвучало вежливое приглашение.

Дверь открылась, и на пороге я увидел двух женщин: молодую и ее копию. Да и вправду, рядом с ней стояла женщина с абсолютно таким же лицом. Можно было бы сказать, что они близнецы, если бы не морщинки, покрывающие лицо ее «отражения».

– Разрешите представиться, – сказал я, – Господин Черныльников, главный редактор одной из самых знаменитых газет Санкт-Петербурга – N-ской.

Я поцеловал протянутую руку женщины в возрасте.

– Капиталина Зосимовна Вертоградская, – представилась женщина.

Капиталина Зосимовна – это пышная женщина с правильными чертами лица, излучающими тепло и доброжелательность, и глубоко голубыми глазами. Ее аккуратно собранные волосы лишь аккуратно покрывали тонкие-тонкие прядки седины. Одета она была в платье терракотового цвета, кото-

рое в особенности подчеркивало ее красоту, а на голове была изящная шляпка в тон платью.

– Интереснейшее имя, госпожа, – с подлинным интересом сказал я.

– Благодарю вас, Господин Чернильников, – ответила она, приятно улыбнувшись.

Я обратил свой взгляд на молодую женщину. Аккуратно поклонившись головой, приветствуя ее, я поцеловал протянутую руку.

– Наталья Петровна Глинская. Надо же, какое совпадение! Я читаю вашу газету каждое утро! Как приятно встречать такую интересную личность! Очень давно хотела выразить вам благодарность за те чудесные статьи, которые вы публикуете. А про собаку-то, собаку! Потрясающе... Читая их с утра, я получаю огромное количество удовольствия, и именно оно сопровождает меня и делает мой день лучше.

– Очень и очень приятно, Наталья Петровна, искренне рад, что вам нравится, – сказал я, улыбнувшись, мне всегда очень приятно слышать о том, что моим читателям интересно мое творчество.

Наталья Петровна – это молодая стройная женщина, на безымянном пальце которой блестело еще новое золотое обручальное кольцо. Одета она была в дорожное платье тускло-зеленого цвета.

Познакомившись, я предложил дамам свою помощь: удобно расположил саквояж и шляпную коробку на багаж-

ной полке. А после попросил проводника заварить нам чаю.

– Вот видишь, Наташенька, какой любезный молодой человек! – обратилась к Наталье Петровне Капиталина Зосимовна, как только мы сели за небольшой столик. Я сел рядом с Натальей Петровной, а Капиталина Зосимовна – напротив нас. – А помнишь, Наташа, помнишь, как точно так же мы путешествовали, когда ты совсем была малышкой? И Петр Николаевич точно так же приносил нам чай.

– Помню, мама, помню, – ответила Наталья Петровна.

– Ах... Петр Николаевич... Супруг мой. Царство ему небесное. И ведь поверить не могла, что полюблю его всем сердцем... Замуж то меня выдавали по нужде. Семья моя помещичья обеднела, осталась я без приданого. Кому же бесприданницы-то нужны? Решили меня, совсем молодую девочку, замуж отдать за взрослого мужчину. Одному ему и была нужна, женихи в очередь не стояли. Плакала тогда я днями и ночами, когда узнала, что за старика, по сути, выдают поневоле.

Капиталина Зосимовна тут же повернулась и достала карты:

– Сколько случаев-то было, что они, старики, еще теми разбойниками бывают... А он очень порядочным человеком оказался. Ну... И любовь потом пришла. Наташенька вот родилась. Ей еще и десяти не исполнилось, как он умер. Все хозяйство мне перешло, – рассказывала Капиталина Зосимовна, раскладывая карты.

Наталья Петровна с какой-то особой счастливой и умиротворенной грустью смотрела в окно на пушистые ветки сосен.

– Ох, хорошим он был мужем и отцом. Насмотреться на него не могла. Был бы только вот чуть помоложе... Еще бы и внуков понянчил, – вздохнув, Капиталина Зосимовна сложила карты в колоду.

– Прощу простить меня за мое любопытство, – начал я, – можно ли мне поинтересоваться, что вы только что делали с картами, Капиталина Зосимовна?

– Раскладывала пасьянс, Господин Чернильников, – ответила Капиталина Зосимовна и вновь стала раскладывать карты.

– Ох, Господин Чернильников... Она постоянно раскладывает его! – воскликнула Наталья Петровна, согнав с себя всю ностальгию, с которой она смотрела в окно. – Как-то раз мы с моим мужем приехали к ней в гости, и как всегда застали маму за раскладыванием пасьянса. Я поздоровалась: «Здравствуйте, мама», – а она мне с удивлением: «Пасьянс показал, что вы сегодня не должны приехать».

Мы рассмеялись. Действительно забавная ситуация.

– Вот вам смешно, а одному графу пасьянс спас жизнь, – сказала Капиталина Зосимовна.

– Как же это так? – спросил я.

– А вот... Рядом с моим поместьем жил в своем роскошном поместье граф. В один из дней, когда я сидела в беседке

в своем парке, приходит ко мне слуга и говорит:

– Капиталина Зосимовна, граф Лаврентий Максимович Щукин изъявляет желание совершить променад по вашему парку.

Отказать ему, конечно же, я не могла. Мы соседи и хорошие знакомые уже долгое время.

– Конечно. Пусть наслаждается прогулкой. А после попросите Лаврентия Максимовича ко мне в беседку, – говорю.

Слуга меня послушал, и буквально через минуту на пороге беседки появился Лаврентий Максимович. Посмотрев на него, я испугалась. Он был осунувшийся... А эти грустные глаза, которые не посещал сон уже несколько дней! Просто тень, а не человек!

– Боже мой, Лаврентий Максимович, что с вами стряслось?! – всплеснув руками, спросила я.

После того как Лаврентий Максимович элегантно поклонился и поцеловал мою руку, я пригласила его сесть и рассказать все, что случилось.

– Случилось все самое страшное, Капиталина Зосимовна, – опустошенно сказал Лаврентий Максимович. – Мне сейчас так трудно об этом говорить... Разрешите мне просто побыть рядом с вами, послушать, как поют птицы.

Видя, в каком он сейчас состоянии, я, конечно, не стала настаивать.

– Конечно-конечно, Лаврентий Максимович, не смею тре-

вожить вас, – говорю, – займусь, пожалуй, своим делом, дабы вас не отвлекать от созерцания природы.

И стала раскладывать свой любимый пасьянс.

Щукин все молчал и молчал, а потом я заметила, как внимательно он смотрит за тем, что я делаю.

– Капиталина Зосимовна, – спросил он, – а что вы делаете?

– Раскладываю пасьянс, Лаврентий Максимович.

Он заинтересованно пододвинулся к столику и спросил:

– А можно я понаблюдаю за тем, что вы делаете?

– Конечно, если пожелаете.

Один раз я разложила пасьянс, пасьянс – дело не быстрое, он сошелся.

И Лаврентий Максимович попросил повторить сие действо.

Второй раз разложила и загадала, чтобы у Лаврентия Максимовича все было хорошо. Опять сошелся.

И тут Лаврентий Максимович произнес:

– Капиталина Зосимовна, как это у вас все так ловко получается? Прошу, научите и меня, пожалуйста.

– Дело нехитрое, быстро вас научу, да еще и не одному приему.

А меня саму одна графиня научила. Когда Петр Николаевич умер, я себе места не находила! Каждый день на кладбище к нему ходила. Ни хозяйство не отвлекало, ни какие заботы. А потом как стала раскладывать пасьянсы и желания

добрые загадывать, и все пасьянсы сходились, а как недоброе что подумаю, пасьянс не сходится. Сразу вкус к жизни появился. И вправду, все самое лучшее стало в моей жизни происходить.

Когда рассказала и показала я Лаврентию Максимовичу, он сразу заторопился домой, говоря:

– Вот бы дома еще набить руку.

– Так возьмите мои карты. Дарю вам их. У меня еще таких колод в каждой комнате!

Я, чтобы не носить карты из одной комнаты в другую, оставляю каждый раз по колоде в своих любимых местах. То у кофейного столика, то на камине, то в столовой, то в библиотеке... Да везде и всюду! Даже перед сном раскладываю, чтобы хорошие сновидения всю ночь приходили.

Прошло около недели, а может, и больше, за пасьянсом не особо-то замечаешь.

Приходит ко мне вновь Лаврентий Максимович и просит аудиенции.

А как же я откажу? Я только: «Милости просим».

И вновь мы с ним в беседке повстречались.

А Щукина-то не узнать, весь сияет!

– Капиталина Зосимовна, – говорит, – вы меня от смерти спасли!

Я сразу-то не особо поняла, о чем он речь ведет, но он сам взялся рассказывать:

– В тот день задумал я страшное... Хотели мы с женой

в Ялту поехать, здоровье ее поправить, да вот только в день, когда ехать должны мы были, она и скончалась, не выдержало ее сердце той болезни от позора. Мало того что заболела она от сына, который из армии дезертировал, так еще и удар последовал, откуда его мы совершенно не ждали. Дочь моя, умница и красавица, ушла из дома без отцовского и материнского благословения, в содержанки у городского чиновника, да еще и женатого! Вот от съедающего чувства горя и позора, думал я, прогуляюсь в вашем чудесном парке последний раз, а позже лягу на перину свою по ночи, возьму револьвер да и уйду к своей голубушке-жене. А пасьянс ваш спасительным оказался. Спасибо, Капиталина Зосимовна.

А про парк-то, про парк я забыла совсем сказать!

Парк этот был любимым детищем моего супруга. Он делал все, чтобы каждый уголок парка напоминал те места, где он в молодости своей успел побывать. Только все маленькое, миниатюрное. Вот и беседочка, в которой мы сидели, в японском стиле, а чуть поодаль хоть и чем-то похож, но немного другой, кусочек китайского парка, а чуть вглубь мусульманский сад, а рядом с ним и английский парк. В парке у него даже маленький лабиринт в регулярном стиле! Вот такая вот история, – завершила свой удивительный рассказ Капиталина Зосимовна.

– Потрясающая история! – сказал я.

– Хотите, и вас научу пасьянс раскладывать? – спросила Капиталина Зосимовна.

– Ох, не соглашайтесь, Господин Чернильников! Это такое заразное дело! – воскликнула Наталья Петровна. – Все дела позабудете, перестанете статьи писать! Что же я буду читать по утрам?!

Мы рассмеялись.

Капиталина Зосимовна все же показала мне пару приемов.

За приятными беседами, раскладыванием пасьянсов и чаепитием наша поездка незаметно подошла к концу.

Я спросил Капиталину Зосимовну:

– Капиталина Зосимовна, а что же вы тогда загадали, когда в первый раз в купе разложили пасьянс?

– Я загадала, чтобы наша поездка была приятной, – сказала она, – и мое желание сбылось.

В ту минуту, когда в груди жжет горячее ощущение, что жизнь остановилась... Знайте, что пока вы дышите, в вашей жизни обязательно появятся люди, которые своими маленькими мелочами докажут вам, что все еще впереди.

Комета

Почему животное так любит человека? Нет, правда, почему? Что бы страшного человек с ним ни сделал, когда животное увидит слезы на ваших глазах, оно придет к вам и из всех сил попытается утешить. Сможет ли человек хоть когда-нибудь поступить так же?

Как и каждое свое прекрасное утро, я начинал сегодняшнее с чашечки кофе. Но есть все-таки особенность каждого моего утра. Скажем так, очень специфическая особенность... Свое утро я начинаю с нового сорта кофе, потому что считаю, что каждый день – это новая жизнь.

И... Если, образно говоря, ваша «вчерашняя жизнь» не задалась, начните новую завтра, с нового сорта кофе. Поначалу звучит весьма странно, но если попытаться встречать начало нового дня подобным образом, то каждый ваш день будет словно праздник.

И если вы скажете мне, что каждый день не может быть праздником, то вот что я вам скажу... Празднику есть место всегда, неважно, маленькому или большому. Разве это много, небольшой праздник каждый день? Тем более что вы можете устроить себе его самостоятельно.

После начала «новой жизни» я направился в свою старую редакцию. Скажу честно, несмотря на то, что редакция оставалась все той же, прежней, какой и была много лет тому на-

зад, каждый день я приходил туда будто бы в другое непонятное мне здание, которое я вижу в первый раз. Наверное, именно поэтому мне никогда не надоедало работать в ней.

Стояла великолепная, по понятиям Санкт-Петербурга, погода. Тонкие солнечные лучи пронизывали легкую утреннюю дымку, в которой я неспешно двигался к редакции.

Я принял решение, что не намерен терять ни одной солнечной секунды и буду добираться до редакции на извозчике только в плохую погоду.

Меня восхищало, что дорога к редакции лежала через небольшой парк во французском стиле.

Идеально четкий архитектурный план: цветники, кованые скамейки; аккуратные, наполненные легкостью беседки и прямые благоустроенные аллеи и дорожки, ведущие к небольшому фонтану в середине парка, окруженному скульптурами.

В утренние часы птицы в том парке завораживали своими нежными распевами. Хотелось бы сесть на одну из скамеек, закрыть глаза и погрузиться в вечную безмятежность, сливаясь в одно целое с парком.

Из состояния умиротворения и полета фантазии меня ни с того ни с сего вернул в реальную жизнь лай собаки.

Я оглянулся вокруг, пытаясь обнаружить «мохнатую причину». Вдруг я увидел эффектную, ярко-каштановую хвостатую «комету», стремительно пролетевшую мимо меня. Неподалеку от меня остановилась красивая, пропорциональ-

но сложенная собака. Динамичной потяжкой и стойкой она показывала всю красоту своей породы, название которой, к сожалению, было мне незнакомо. Ощущение неизвестности вызывало во мне подлинный интерес. Никогда прежде я не видел таких собак!

На протяжении всего пути, и даже зайдя в редакцию, все мои мысли были только об этой необыкновенной собаке. Войдя в редакцию, я буквально с порога начал рассказывать одному из моих журналистов об увиденном мною чуде:

– Она была похожа...

– На каштановую хвостатую комету, – завершил за мной предложение журналист.

– Верно... Но как вы догадались? – задал я удивленно вопрос.

– Если я не ошибаюсь, но, по вашему описанию, я думаю, что вы говорите о собаке господина Чигирина.

– Возможно... Ах, если бы мне выдалась возможность еще хоть раз взглянуть на это прекрасное создание.

– Я думаю, Господин Чернильников, что это вполне возможно, ведь мне выдалась честь быть знакомым с господином Чигириным.

– Ох, вправду? Я был бы вам премного благодарен, – обрадовался я.

– Что же, в таком случае я сообщу господину Чигирину о вашем желании устроить встречу, – сказал журналист.

– Благодарю вас, – сказал я.

Встреча была запланирована на вечер. Весь день я не находил себе места и думал только о том, как вновь увижу прекрасную хвостатую комету. Весь день я чувствовал себя будто ребенок в предвкушении новой игрушки. В назначенное время я быстро собрался и радостно выбежал из редакции, это несвойственно для меня, обычно я ухожу из редакции последний.

Встретив журналиста в условленном месте, мы направились на встречу.

Оказавшись в просторном холле апартаментов господина Чигирина, в которые нас пустила его горничная, мы увидели, как по мраморной лестнице спускается хозяин дома, а рядом с ним буквально нога в ногу царственно спускалось грациозное животное.

Поприветствовав гостей, господин Чигирин пригласил нас в гостиную, которая больше напоминала танцевальный зал. Он унаследовал от отца, крупного промышленника, миллионное состояние, поэтому его окружали роскошь и богатство.

Мы присели на диваны, обитые богатыми тканями, привезенными из дальних поездок. Чигирин занял свое место в хозяйском кресле. Собака послушно легла у него в ногах.

Завязался разговор.

Собеседник был расположен к нам и поэтому с большим удовольствием рассказывал о своих путешествиях. Особое внимание он уделил своей поездке по Ирландии, ведь имен-

но там он приобрел свою великолепную собаку, которую ранее не видели в Российской Империи. Легавые, гончие, борзые, но такой собаки еще не было.

Мы уже опустошили за разговором не один кофейник и выкурили по доброй сигаре, предложенной хозяином, а разговор никак не заканчивался... Тогда Чигирин предложил мне выехать вместе с ним на охоту, дабы увидеть всю красоту собаки в ее исконном деле.

Немедля я согласился, однако не являлся особым поклонником охоты. Хозяин убедил меня, что у него великолепное оружие и не стоит ни о чем беспокоиться.

Ранним утром следующего дня мы отправились в поместье Чигирина. Прибыв на место, он переоделся в охотничью одежду: глубокого синего цвета полукафтан, подпоясанный черным ремнем, высокий картуз и шаровары со штрипками, заправленные в сапоги. За голенищем сапога был вставлен арапник домашнего плетения.

Хозяин оказался поистине щедрым, он обеспечил всю охоту и даже наказал егерю облачить меня в охотничью одежду. После перевоплощения во мне совершенно не читался образ писателя и главного редактора.

Мы отправились к месту охоты на лошадях. Сеттер всю дорогу бежал мелкой рысью то подле нас, то забегая много вперед, однако возвращался обратно. По пути Чигирин рассказал мне о том, что в охоте ирландский сеттер страстен, но в то же время легко управляем. Как оказалось, он был вы-

веден для охоты на пернатую дичь – луговую, боровую, болотную, водоплавающую, а также на зайца и другого мелкого зверя. Чигирин уверял, что у этих собак отличный нюх, и самое главное достоинство этой породы – выносливость. Используют ирландских сеттеров чаще всего как подружейную собаку.

Меня заинтересовало... А что это значит, «подружейная собака»?

Чигирин объяснил, что такие собаки используются в качестве помощника человека в охоте с ружьем. В момент выстрела подружейная собака находится недалеко от охотника, буквально под ружьем.

Добравшись до нужного места, мы спешили с лошадей и привязали их к дереву. Егерь сопровождал нас в охоте.

Мы пробирались сквозь чащу, и вот наконец сквозь толщу пушистых зеленых веток открылся прекрасный вид на озеро.

Погода была солнечная, и вода в озере была словно зеркало, в котором отражалось небо с плывущими по нему легкими пушистыми облаками.

Однако, несмотря на безмятежность, на озере кипела активная птичья жизнь.

Сеттер оживился и побежал энергично, галопом. По его повадкам было件нятно, что он быстро обнаружил притаившуюся птицу. И вдруг он резко остановился и встал в грациозную высокую стойку, указывая на место нахождения дичи. Чигирин подал определенную команду. Собака выгнала

птицу под выстрел.

Молниеносно Чигирин вскинул ружье в небо, и раздался выстрел, казалось, будто это прогремел гром, однако погода оставалась ясной. Небольшое бездыханное коричневое пятно, которое минуту назад было птицей, камнем полетело в воду, нарушив ее безмятежную гладь. Чигирин вновь подал команду, и сеттер бесстрашно бросился в воду. Схватив добычу, он так же стремительно доплыл до берега, отряхнул свою безупречную каштановую шерсть и отдал трофей хозяину.

Чигирин был доволен, он погладил пса по голове, приговаривая слова похвалы. Сеттер вилял хвостом, похожим на метелку, он был доволен не меньше хозяина, это можно было прочесть на его еще немного мокрой морде.

Охота продолжалась, и раз за разом я не переставал восхищаться быстротой и грациозностью собаки. На охоте Чигирин и сеттер были будто бы единым целым.

Охота удалась на славу, и после нее мы отправились в охотничий домик господина Чигирина. Накануне егерь подготовил его к нашему приему. Мы развели огонь. Отрезав охотничьим ножом крыло от утки, Чигирин дал его сеттеру. Тот радостно подхватил крыло.

– Собаку нужно хвалить и поощрять, иначе она перестанет охотиться, – пояснил Чигирин.

Я посмотрел на сеттера. Он лежал на земле и с удовольствием грыз крыло недавно словленной им утки. В этот мо-

мент его довольная морда напомнила мне лицо счастливого ребенка. Я невольно улыбнулся.

После того как мы ощипали одну из уток, егерь приступил к приготовлению шулюма. Что такое шулюм? Честно сказать, я и сам не знал до этого момента. Оказывается, это наваристый жирный суп из дичи. Приготовление шулюма егерем было похоже на настоящий ритуал. Не отрываясь, я наблюдал за каждым ловким движением ножа в его руках.

– Самое главное, это вырезать гузку с железами, – приговаривал, не отрываясь от «ритуала», егерь, – иначе запах будет неаппетитный.

Приготовление подходило к концу, и из казана плыл самый вкуснейший аромат. Каждому из нас досталось по глиняной миске сытного и вкусного утиного супа.

Никогда прежде не ел шулюма, но с абсолютной уверенностью могу сказать, что ни за что не откажусь, если мне предложат отведать его вновь.

Я и не заметил, как день стремительно подошел к концу.

Мы вернулись в поместье. Я остался ночевать в любезно предоставленной хозяином гостевой комнате. Хочу сказать, что уснул я еще до того момента, как моя голова коснулась подушки. Спал без сновидений, однако проснулся отдохнувшим и переполненным жизненными силами и с единственной главной мыслью: «Мне нужно как можно скорее написать статью о сеттере». Вы не поверите, но в этот раз у меня не было с собой машинки! Какое горе. На самом деле, знаете,

когда мысль приходит к вам, ее нужно как можно скорее записать в том виде, в котором она пришла, ведь уже через минуту в ней изменится порядок слов, через час – сами слова, а через день она вообще может исчезнуть. Так что... Мысль вольна, как птица, и если вы хотите наслаждаться ее прекрасной песней, неустанно следуйте за ней. Я взял первый попавшийся листок и, обмакнув стальное перо в чернильницу, мою однофамилицу, я начал писать первый набросок статьи.

Хозяин наказал своему кучеру довести меня до Санкт-Петербурга. Чигирин сказал мне, что как только я закончу статью, он хотел бы, чтобы я прочитал ее, прежде чем она выйдет в свет, и поэтому, как только все будет написано, он попросил меня навестить к нему.

Поблагодарив хозяина за щедрый прием и интереснейшую охоту, я, попрощавшись, сел в экипаж. Кучер подхлестнул лошадей поводьями, и повозка, сдвинувшись с места, начала свой путь до Санкт-Петербурга. Я не мог и не хотел бездельничать по пути домой, поэтому я вновь достал листок с «птичьей песней» и продолжил писать. Повозка качалась из стороны в сторону, и порой я капал чернилами на листок, один раз даже попал на себя. Это будет сложно отстирать... Но вдохновение прежде всего.

По приезде в Санкт-Петербург, я как можно скорее сел за печатную машинку и начал писать статью, не отрываясь ни на секунду. И в итоге в результате страстного писания она была закончена. За окном уже виднелся месяц. Я отложил

статью на моем столе и лег спать с чистой совестью и предвкушением завтрашнего дня, ведь, как я и обещал, я обязательно зайду к господину Чигирину.

Но, как всегда это происходит, в нашу жизнь вмешиваются дела неотложные, в моем случае они даже имеют государственную важность, именно поэтому статью пришлось ненадолго отложить.

Спустя неделю вопрос государственных дел был исчерпан, я вздохнул с облегчением, и, наконец взяв статью в руки, направился на прием к господину Чигирину, дабы не обидеть его столь долгим ожиданием.

С каждым шагом до дома господина Чигирина во мне все больше и больше бушевало предвкушение. Я даже продумывал, как он отреагирует на мою статью, какие слова скажет и какое довольство разольется по его лицу.

Позвонил в дверной колокольчик, спустя полминуты ожидания отворилась дверь, и на пороге появилась горничная. Первым делом я обратил внимание на ее лицо. Оно не было ни грустным, ни веселым, оно не излучало никаких эмоций, будто просто застыло, как на статуе. Это насторожило меня.

Тяжело вздохнув, горничная пустила меня в апартаменты.

Я прошел вновь в ту гостиную, которая больше была похожа на танцевальный зал. Но в этот раз она была какой-то другой. Было ощущение, что воздух вокруг тяжелый и что жизнь... Остановилась? Да... Было такое ощущение, будто дом больше не дышит.

Я сел на диван, обитый дорогими тканями, как вдруг заметил, что стоящее на полу зеркало в человеческий рост зашешено.

Послышались шаги, и дверь в гостиную открылась.

Увидев силуэт господина Чигирина, я начал подходить к нему:

– Господин Чигирин....

Но это был не он. Это был молодой мужчина в черном фраке. Его лицо было столь же безэмоционально, как и лицо служанки. Он посмотрел на меня и сказал:

– Меня зовут Антон Гурьевич Чигирин, я сын ныне покойного Гурия Афиногеновича Чигирина. А вы, похоже, Господин Чернильников? – сказал он.

Внутри меня будто бы взорвался снаряд, и жар растекся по венам. Покойный?

– Да... Я принес статью... – ответил я.

– Ну что же, в таком случае вы опоздали, – ответил он. Покойный.

Господин Чигирин погиб по неизвестным обстоятельствам, и тело его обнаружил егерь близ его же поместья.

Все слова будто бы разлетелись в моей голове, и я не мог собрать их в единое целое.

– Мне... Мне жаль... Примите мои соболезнования... А сеттер?

– Ах... Эта собака – одно большое несчастье. Он сидит в кабинете отца и не дает никому в него войти: ни мне, ни

моей сестре. Сразу же скалит зубы и норовит ими впиться в протянутую руку.

– Могу я увидеть его? – спросил я, будто бы не слышал рассказ моего собеседника.

Антон Гурьевич удивленно посмотрел на меня и сказал:

– Если только пожелаете, но едва ли он будет вам рад...

Я следовал за сыном Чигирина, остановившись возле кабинета, он сказал мне:

– Прошу, будьте осторожны.

Я вошел в кабинет. Сеттер, свернувшись, лежал на софе.

Как только дверь закрылась за мной, он медленно развернулся и посмотрел на меня совершенно невинными глазами, чистыми, как у ребенка.

Я понемногу начал подходить, но вдруг он начал скалиться и рычать.

Я остановился и посмотрел на него. Несмотря на злобу, на его морде, как ни странно, можно было увидеть огромную печаль, он будто бы злился для того, чтобы никто не видел ее. Когда он приподнялся, я заметил, что он сидел на том самом синем кафтане, в котором Чигирин ходил вместе с ним на охоту. Он охранял его как зеницу ока, не желая никому отдавать.

В следующую минуту я сделал то, что не делал никогда прежде – опустившись на колени, смотря на сеттера, который не прекращал скалиться и рычать на меня, показывая свою готовность атаковать, лег на пол, на прекрасный паркет

в кабинете Чигирина и закрыл глаза. В тот момент я не осознавал, какая опасность мне грозит в таком беспомощном положении, находясь в одной комнате с обозленным животным.

Кто-то осудил бы меня, но только не сеттер.

Послышался прыжок с софы и звук собачьих когтей, скребущихся о пол. Я, так и не открывая глаз, почувствовал, что сеттер приближается ко мне. Он подошел, опустил свою морду к моему лицу и обнюхал меня, после чего резко фыркнул, сбросив запах, и обдал меня маленькими капельками, слетевшими с его мокрого носа.

Несколько секунд спустя я почувствовал тепло. Тепло собачьего тела. Сеттер лег рядом со мной. Я услышал... Звук капающей воды. Но откуда ей быть здесь? Медленно открыв глаза, увидел. Из глубоких янтарных глаз сеттера, стекая по каштановой морде, текли слезы. Если бы я сказал кому-нибудь о том, что я видел, как из собачьих глаз катятся слезы, никто не поверил бы мне.

Боль разлилась в груди и животе. Я аккуратно положил руку на густую каштановую шерсть. Сеттер вздрогнул, однако не ушел. Несмотря на время, проведенное с ним на охоте, мне так и не удалось потрогать его, но сейчас я плавно водил рукой по его немного волнистой шерсти. Она оказалась не такой жесткой, как у всех собак, а мягкой, словно из шелка. Глядя сеттера, я начал говорить с ним:

– Ну что же ты, не плачь, прошу тебя. Он был честным

человеком и благородным господином... Именно поэтому он смог воспитать тебя таким. Достойным, смелым, преданным.

Я говорил слова сожаления собаке, а не сыну Чигирина, как это было положено, однако сеттер выражал большую скорбь по своему хозяину, нежели Антон Гурьевич по своему отцу.

В комнате стало тихо. Больше не было слышно звука капавшей воды, только лишь мое дыхание и размеренное дыхание сеттера.

Я обнял его. В тот момент, мне казалось, что я знаком с этой собакой много лет и много лет она мой верный друг.

Сеттер начал привставать, я привстал за ним. Подойдя к софе, на которой он недавно лежал, он стащил синий кафтан и подошел ко мне. Держа его в зубах, он смотрел мне прямо в глаза. В следующую секунду сеттер сделал то, что заставило мою душу трепетать от гордости и сентиментальности. Синий чигиринский кафтан лег ко мне на колени. Это был не просто кафтан, это были преданность и доверие. Я потянулся к сеттеру и, обняв его, услышал, как его хвост-метелка робко стучал по паркету.

Дверь тихо и аккуратно открылась, Антон Гурьевич с опаской зашел в комнату, как вдруг... Изумленно застыл, наблюдая удивительную картину: крепко обнявшихся двух друзей, кафтан преданности и следы высохших слез.

Разжав объятия, я подошел к Антону Гурьевичу, держа в руках кафтан. Сеттер поплелся за мной.

Смерив меня и сеттера взглядом, он устремил свой взор на кафтан. Я протянул ему предмет памяти об отце, но... Он не взял его, сказав:

– Заберите его, он вам еще пригодится, Комете он очень нравится.

– Комете?

– Сеттеру.

Мне стало почему-то внутри и смешно, и радостно, и удивительно, ведь именно слово «комета» пришло мне в голову, когда я впервые увидел его, а он и вправду оказался настоящей хвостатой Кометой.

Но погодите...

– А как же это связано, Антон Гурьевич?

Антон Гурьевич, вздохнув и натянув грустную улыбку, в которой, однако, читалась нотка облегчения, сказал:

– Он не принимает нас. Он чахнет с каждым днем все больше и больше. Так зачем губить это хоть и озлобленное, но незлобивое существо? Пусть лучше он будет цвести рядом с тем, кому предан, чем вянуть с теми, кого в упор не хочет видеть.

Я хотел было что-то сказать, даже не знаю, для чего, скорее, из правил хорошего тона, но Антон Гурьевич прервал меня, будто прочитав мысли:

– Нет, Господин Чернильников, не отказывайте, прошу вас.

– Чем я могу...

– Ничем, вы уже оплатили, – ответил коротко он.

Я забрал собаку, не в состоянии отказать ни Антону Гурьевичу, ни Комете. Уходя из дома, я откланялся. Отдаляясь от дома, спиной я все еще чувствовал Чигирина-младшего, однако повернувшись, увидел, что мрачный его силуэт исчез в глубине недышащего дома. Он абсолютная тень своего отца.

Комета тянул меня за короткий поводок, мысленно спрашивая или будто бы прося: «Пойдем отсюда, назад дороги нет, впереди только новая жизнь».

Моя экономка Мария открыла нам дверь и застыла не только с удивлением, но и с настоящим восхищением. Она впустила нас. Когда мы зашли с Кометой в дом, дом теперь не только мой, но и его, он остановился в прихожей, посередине, и начал осматриваться вокруг.

– Ну же, мой хороший, осмотришь, – сказал я ему, и он прошел в гостиную, смотря на всю новизну вокруг.

– Никогда не видала таких собак, – сказала Мария.

– Я тоже, – ответил я.

Спустя пару дней, когда, гуляя, мы проходили через тот самый парк во французском стиле, в котором я впервые встретил его, мне в голову пришла совершенно шальная мысль, недостойная знатного господина. И что же я сделал? Конечно же, осуществил ее!

Я отпустил Комету с поводка и побежал по аллее, зовя его за собой.

Мы бежали вдвоем. Я смеялся, сеттер радостно лаял, а отдыхающие в парке ошарашенно смотрели на нас и скорее пытались отойти в сторону. Совершенно не удивился, если бы завтрашние утренние газета пестрили заголовками о сумасшедшем редакторе.

Вровень с лежанкой сеттера стояла небольшая скамейка, я заказал ее у мастера, а на ней лежал аккуратно сложенный синий кафтан.

Я все-таки выпустил статью, однако пришлось дописать одну маленькую, но очень важную строчку: «Памяти Гурия Афиногеновича Чигирина». Позже я самостоятельно занимался расследованием его смерти, однако это совсем другая история.

Когда плачет человек, собака утешает его. Но когда плачет собака... Далеко не каждый может понять ее, ведь она не может сказать, что ее тревожит. Но ведь собака тоже ничего не спрашивает. Она живет ради человека, именно поэтому она счастлива и непременно старается поделиться своим счастьем с вами, когда вы грустны. А мы же, люди, в водовороте забот, открывая глаза поутру, совершенно забываем о том, что должны жить ради друг друга. Так почему бы нам не жить и делиться душевным теплом так же, как собака? Ведь когда мы делимся им, мы делаем счастливыми не только окружающих, но и самих себя.

Инквизитор

Вы из тех людей, что любят сладкое? Нет-нет, конечно, есть люди, которые предпочитают сладкому, скажем... Соленое. Кислое. Возможно, даже горькое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.